

РАЗДЕЛ 2. СОЦИОЛОГИЯ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП И ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ

SECTION 2. SOCIOLOGY OF SOCIAL GROUPS AND IDENTITY ISSUES

DOI 10.26105/SSPU.2022.77.2.012

УДК 94(571.122)"1985/1990"

ББК 63.3(253.3)634-7

**М.К. ЧУРКИН УСЛОВИЯ И ФАКТОРЫ ФОРМИРОВАНИЯ
ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ОРИЕНТАЦИИ
И ИДЕНТИЧНОСТИ СОВЕТСКИХ
БЕБИ-БУМЕРОВ В ПОХУ «ПОЗДНЕГО
СОЦИАЛИЗМА» (НА МАТЕРИАЛАХ
ИНТЕРВЬЮ С ПРЕДСТАВИТЕЛЯМИ НАУЧНО-
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СООБЩЕСТВА ОМГПУ)**

**M.K. CHURKIN CONDITIONS AND FACTORS FOR
THE FORMATION OF PROFESSIONAL
ORIENTATION AND IDENTITY
OF SOVIET BABY BOOMERS IN THE ERA
OF «LATE SOCIALISM» (BASED ON INTERVIEWS
WITH REPRESENTATIVES OF THE SCIENTIFIC
AND EDUCATIONAL COMMUNITY OF THE OMSK
STATE PEDAGOGICAL UNIVERSITY)**

В статье, на материалах полуструктурированного глубинного интервью с представителями научно-образовательного сообщества ОмГПУ, выявляются факторы, условия и социокультурный контекст, оказавшие влияние на выбор профессии, личностное становление и формирование мировоззрения поколения советских беби-бумеров в студенческий период жизненной биографии. Установлено, что идентичность сообщества, в отличие от сходных процессов у предшествующих поколений, формировалась в относительно спокойной атмосфере политического и культурного «обновления» СССР. В результате межпоколенческой коммуникации беби-бумеры достигли коммуникативного согласия в сфере референций, что проявилось в «эластичности» стандартов существования, высокой мотивации достижения и адаптивного потенциала, направленного на обеспечение ограниченного, но приемлемого в заданных условиях жизненного комфорта.

In the article, based on the materials of a semi-structured in-depth interview with representatives of the scientific and educational community of the OmSPU, the factors, conditions and sociocultural context that influenced the choice of profession, personal development and the formation of the worldview of the generation of Soviet baby boomers in the student period of life biography are revealed. It has been established that the socio-cultural and political identity of the community, in

contrast to similar processes in previous generations, was formed in a relatively calm atmosphere of political and cultural "renewal" of the USSR. As a result of intergenerational communication, baby boomers have reached a communicative agreement in the sphere of references, which manifested itself in the "elasticity" of living standards, high achievement motivation and adaptive potential aimed at providing limited, but acceptable life comfort in the given conditions.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: научно-образовательное сообщество, поколение беби-бумеров, студенческий период биографии, социокультурная и политическая идентичность

KEY WORDS: scientific and educational community, baby boomer generation, student biography, sociocultural and political identity

ВВЕДЕНИЕ. По определению известного экономиста и демографа Н. Хоува и историка В. Штрауса, социальное поколение — это совокупность людей, рожденных в один двадцатилетний период и обладающих тремя общими критериями: возрастное положение в истории, что подразумевает под собой переживание одних и тех же исторических событий в примерно одинаковом возрасте, общие, единые верования и модели поведения и ощущение причастности к данному поколению [7]. Л. Клейн, реагируя на это определение, справедливо уточнял, что только лишь демографическое понимание поколений бесполезно для рассмотрения развития науки и, с точки зрения социального анализа, перспективно в поколении видеть круг деятелей, формирование которых происходило в одинаковых исторических обстоятельствах, в один и тот же сравнительно короткий период между двумя заметными социально-политическими событиями [10, с. 102]. А. Ватлин, опираясь на поколенческий подход У. Юрайт, пишет: «Применительно к историческим оценкам это не только то, о чем предпочитают вспоминать или забывать, но и то, каким образом вспоминают. Подобно беседе со случайно встреченными земляками, с представителями своего поколения вы столь же быстро найдете общую тему для разговора. Вы можете соглашаться или спорить с ними о прошлом далеком или пережитом, но в любом случае вы будете разговаривать «на одной волне»» [4].

В данной связи, актуальность проблемы, связанной с профессиональным выбором представителей научно-образовательного сообщества поколения беби-бумеров, соотносится с опытом реконструкции политической и социокультурной идентичности группы и предполагает воссоздание идейно-политического контекста эпохи, образа жизни, форм коммуникации, дискурса, стратегий и практик социального поведения человека «второго плана» в истории второй половины «короткого» XX века. Приращение нового научного знания достигается посредством репрезентации истории послевоенного советского (российского) поколения, рассказанной его собственными словами, что позволяет осваивать сюжеты профессионального самоопределения в контексте социальной адаптации сообщества в обстоятельствах периодов максимального «подъёма» и кризиса политической системы СССР, тем самым исследовать границы между политическим, личным и профессиональным в жизни беби-бумеров. В основе исследовательской «оптики» проблемы поколенческой идентичности и её воплощений на разных стадиях биографии сообществ в западном научном знании являлся междисциплинарный подход, что предопределило включение в дискурс представителей разных областей знания: социологов, социальных философов, политологов, историков, литературоведов, психологов, психоаналитиков. Учёными установлено, что индивидуальная память человека всегда имеет под собой прочный социальный фундамент, поскольку воспоминания возможны лишь в обстоятельствах постоянной коммуникации: пространственного контакта, интерактивности, взаимного речевого сообщения, что в конечном итоге способствует конструированию поля совместных воспоминаний [1]; [16].

Данный подход был востребован и современной российской наукой, внёсшей значительный вклад в обсуждение дискуссионных вопросов политической и социокультур-

ной идентичности локально-профессиональных сообществ и социальных групп [8]; [11]; [12]; [15].

Однако в отечественном гуманитарном поле фактически отсутствуют исследовательские проекты, в центре внимания которых находятся проблемы политической и социокультурной идентичности научно-образовательных сообществ, как реально действующего актора поколения (беби-бумеры), что открывает видимые перспективы через обращение к современным исследовательским подходам, практикам, методам осуществить конструирование их представлений о мироустройстве и судьбах страны, ценностях собственной личности, своей и сопредельных групп на разных этапах биографий, в том числе — в стартовый период профессионального становления. Состояние исследований в означенной области, определило цель статьи: раскрыть условия и факторы формирования профессиональной ориентации и идентичности советских беби-бумеров в годы «позднего социализма», по времени совпадавшего со студенческим периодом биографии поколения.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ. В ходе организации исследования, был определён круг участников научного сообщества ОмГПУ, представляющих поколение беби-бумеров. Выступить в качестве респондентов выразили согласие 11 преподавателей факультета истории, философии и права университета, в числе которых — 8 кандидатов и 3 доктора наук в области гуманитарного знания. Исследовательской группой была составлена программа устного собеседования, в основе которой располагался метод глубинного полуструктурированного интервью, которое предполагало общий перечень вопросов и специфических тем, допускающих для интервьюера и интервьюируемых определённую свободу действий при формулировке ответов. Общей стратегией интервью являлось выявление коллективного жизненного опыта и сходных реакций на вызовы времени в результате профессиональной коммуникации. Тактикой, применительно к заявленной в статье проблеме, определено вчитывание в дискурс воспоминаний и установление факторов, условий и социокультурной атмосферы периода «позднего социализма», оказавших влияние на выбор профессии, личностное становление и мировоззрение сообщества в студенческий период.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ. Формирование системы нравственных ценностей, социокультурной и политической идентичности научно-образовательного сообщества ОмГПУ как части поколения беби-бумеров происходило в широком временном диапазоне конца 1940-х — начала 1990-х гг., в рамках особого социокультурного фона, рельефными признаками которого являлась с одной стороны — память о прошедшей Великой Отечественной войне, транслируемая и поддерживаемая непосредственными её участниками — фронтовиками, с другой — крах СССР, внесший существенные коррективы в социальные практики, представления и карьерные перспективы группы. В процессе обработки и анализа фрагментов воспоминаний респондентов о выборе профессии, личностном становлении и мировоззрении беби-бумеров в студенческие годы, безусловно, принималось во внимание, что процесс профессиональной ориентации и вхождения человека в ту или иную социальную «нишу» является сложным и обусловленным многими факторами, к числу которых относится влияние семьи и межпоколенческой коммуникации, а также социализирующей среды (образовательные учреждения, улица, государство).

Общезвестно, что мировоззрение человека формируется постепенно и подвержено изменениям на протяжении всей жизни, при этом важным маркером мировоззрения является его историчность. В данном отношении, во-первых, движение беби-бумеров к профессиональному самоопределению, реализовывалось в коммуникативном пространстве трёх поколений, взаимодействующих в послевоенный период (GI, «молчаливое поколение», сверстники). В процессе интервью было установлено, что этос беби-бумеров формировался при непосредственном участии и вследствие культурного воздействия предста-

вителей поколения GI (поколение победителей), родившихся в конце XIX — начале XX вв. и взрослевших в катастрофических условиях революций, войн и социальных экспериментов. В рамках советской репрессивно-карательной системы представители поколения GI выбрали такие стратегии поведения адаптации к существованию в стране «отсроченного счастья» [14, с. 28], которые позволили им реализовывать два основных сценария: трансляция опыта выживания в экстремальных условиях и культуртрегерство, адресованные не детям (молчаливому поколению, сформированному в советской системе), а внукам (беби-бумерам), интенсивное общение с которыми в период 1950-х-1960-х гг. при производственной занятости родителей, становится важным воспитательным и обучающим сюжетом реальности. Можно согласиться с мнением В.П. Бранского и С.Д. Пожарского, полагающих, что в поколенческой системе координат часто возникают ситуации отказа детей от идеала отцов в пользу идеала дедов, с последующей их модификацией с учётом новых условий [2, с. 17]. В ходе предварительных бесед с беби-бумерами выяснилось, что подавляющая часть респондентов (8 из 11) упоминают в своих рассказах о контактах с бабушками и дедушками. При этом 4 интервьюируемых (32%) утверждают, что их коммуникация с представителями GI-поколения имела значимый воспитательный и образовательный эффект [9, с. 103–104].

Во-вторых, с окончанием Великой Отечественной войны начинается восстановительный этап образовательной сферы в СССР, в рамках которого реализуется социальная политика государства. В середине 1950-х гг. была упразднена система раздельного обучения в школах по гендерному признаку (1954 г.), отменена плата за обучение в старших классах средних школ и в высших и средних специальных учебных заведениях (1956 г.). К 1963 г. было введено повсеместное обязательное восьмилетнее образование. В результате образовательной политики СССР 1950-х — начала 1960-х гг., ставшей своеобразным фоном становления поколения беби-бумеров, в стране увеличилось число молодёжи с законченным средним образованием. В 1958 г. среднюю школу окончило 1 600 тысяч человек, а в вузы было принято 456 тысяч [6]. Таким образом, лишь часть молодых людей, окончивших среднюю школу, могли поступить в вузы или техникумы, что способствовало не только повышению уровня качества набора в институты и университеты, но и росту престижности высшего образования. О возросшем качестве школьного образования, особенно в городах, респонденты сообщают следующее: «В институте проявился недостаток знаний: из школ приходили с высоким уровнем подготовки» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021. Интервьюеры (здесь и далее): М.К. Чуркин, Н.И. Чуркина, Е.Ю. Навойчик, Е.В. Черненко]; «На 1 курсе чувствовал себя пришибленным, так как городские были значительно сильнее» [МИ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021].

Контекстуально значимыми для выбора профессии представителями поколения беби-бумеров, стали события в СССР, начало которым было положено решениями XX съезда КПСС 1956 г., поскольку в рамках курса общественно-политической либерализации важные действия предпринимались в сфере организации работы средних общеобразовательных школ. Один из таких факторов — курс на усиление роли преподавания истории в школе. На основании Постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 октября 1959 г. вводился новый порядок изучения учащимися разделов истории в школе от эпизодических рассказов по истории СССР в 4 классе к элементарному курсу истории Древнего Мира, Средневековья в 5–6 классах и элементарному курсу истории СССР в 5–8 классах, дополненному сведениями по новой и новейшей зарубежной истории и освоению систематических курсов истории СССР, новой и новейшей истории зарубежных стран в старшем школьном возрасте. Документ предполагал подготовку и издание новых учебников по истории, соответствующих новому порядку, при том «написанных ярко и убедительно»,

а также повышение контроля за качеством преподавания истории и Конституции СССР в школе, что требовало оказания систематической помощи учителям истории в повышении их теоретических знаний, постоянного повышения квалификации педагогов и допуска к преподаванию истории и других гуманитарных дисциплин только лиц с высшим профессиональным образованием [13]. Респонденты, отвечая на вопросы, связанные с интересом к школьным дисциплинам, согласованно подтверждают свою гуманитарную направленность и, наряду с влиянием семейного окружения, отмечают воздействие учителей-предметников: «В школе любил геометрию, литературу, историю» [ФД, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]... На философское мировоззрение повлияли беседы с папой. От детской бессонницы порекомендовали гулять с ребенком. Гуляли по вечерам. Говорили о звездах, вселенной, первых людях и т.д. Папа рассказывал о Дарвине в том числе. Еще по дороге решали задачки по физике и математике. Говорили на равных как со взрослым человеком. Без снисходительности [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021]... Одинаково хорошо шли все предметы. Каждый новый предмет (астрономия, физика) вызывали интерес. Очень верил в советские идеалы. Математика шла очень хорошо. Но был большой интерес к общественной жизни, поэтому хотел пойти в военно-политическое училище, по идеологической части [КА, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]... Любимые предметы: в старших классах — история. Вел директор школы, бывший военный... Я знал больше, чем другие. Знал хорошо содержание учебника истории и обществоведения. Задавал вопросы. Директор откровенно отвечал. Если ошибался, признавал свои ошибки [МИ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]... Почему полюбил историю? В 9 классе пришла Элла Петровна. Красавица. Ставила коленку на стул, когда рассказывала. И все смотрели на нее. Ходил на 10-летие в подписные издания (книжный магазин в г. Омске, расположенный на улице 10 лет Октября) «как на работу». В том числе купил Некрича — историка и история увлекла [КБ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021].

Непосредственное включение интервьюируемых беби-бумеров в пространство высшего гуманитарного образования происходило в середине 1960-х — начале 1970-х гг. — период завершения либерализации страны и консервации общественно-политического уклада жизни советского социума эпохи «развитого социализма». По мнению философа и социолога Д.Г. Горина «Хронотоп культуры 1970-х годов определялся ситуацией политического двоемыслия. Обстановка вынуждала многих думающих представителей поколения «семидесятников» скрывать свое истинное отношение к деградирующему режиму. Романтизм и вера в человека сменились конформизмом и социальным пессимизмом, чему в немалой степени способствовала переориентация экономики с инновационного развития на сырьевой путь» [5].

Корректирующее воздействие на воспоминания беби-бумеров не могла не оказывать специфика организации гуманитарного образования в СССР (в большей степени исторического, в меньшей — философского), мобилизующая политическую лояльность членов научно-образовательного сообщества к правящему режиму, что становилось элементом конвенционального поведения и фиксировалось в сознании и памяти научно-образовательного сообщества как сегмента поколения.

По констатации Т.А. Булыгиной, с середины 1960-х годов складывается единая система изучения общественных наук в высших учебных заведениях, включающая историю КПСС, политическую экономию капитализма и социализма, марксистско-ленинскую философию и научный коммунизм. Необходимо также принимать во внимание, что в соответствии с советской концепцией высшего образования вузы ориентировались не только на подготовку квалифицированного специалиста, но и воспитание преданного советскому строю гражданина, что выводило на первый план организацию воспитательной работы со

студентами. На законодательном уровне именно в конце 1960-х гг. был принят ряд важных правительственных решений в данном русле [3, с. 114].

Очевидно, что эскалация нормативно-правового и делопроизводственного дискурса воспитания в СССР второй половины 1960-х-начала 1970-х гг. свидетельствовала об укреплении авторитарных тенденций в обществе и стремлении советской партийно-государственной номенклатуры поставить под жесткий идеологический контроль деятельность высшей школы, что влекло за собой и определённые коррективы в выборе стратегий поведения студентов — представителей поколения беби-бумеров.

Можно предположить, что молодёжь, формирующаяся в этот период, была вынуждена существовать в двух системах координат: официально декларируемых ценностей и неофициальных практик, обеспечивавших нормальную жизнедеятельность и выживание. Необходимо также учитывать и психологические особенности человека в средний и поздний юношеский периоды (17-22 год). По утверждению психологов, в юношеском возрасте сужается и окончательно исчезает поле психологической зависимости от взрослых, формируется новая идентичность как результат насыщенной коммуникации со сверстниками [9]. Для социального поведения молодого человека характерна повышенная эмоциональность, а представления об окружающем мире окрашены в позитивные тона. Интервьюируемые, вспоминая о времени поступления в вуз, отмечали некоторую периферийность политических вопросов в своей жизни: «Перемены в стране не были заметны» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021]; «О переменах читал задним числом. Волны либерализации не заметил» [ЛВ, муж., 1949 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 19.05.2021]; «1959-1968 гг., до поступления — очень насыщенные годы в истории страны. Я считал, что эта насыщенность — норма (имеется в виду густота политических событий)» [МА, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 26.06.2021]; «Вообще не помню никаких «оттепельных» явлений. Играл в футбол, о прочем думал мало» [КА, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021].

Весьма характерной представляется акцентуация в воспоминаниях беби-бумеров чисто бытовых, повседневных сюжетов студенческого времени, вполне совпадающих с партийно-правительственными программами воспитательной работы в вузах, в том числе посредством вовлечения студенчества в производственную деятельность: «Очень хороший, уникальный курс. Все сдружились на уборочной. Очень много субботников. Ходили с удовольствием» [КА, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «Студенческая жизнь была умеренно-бурная. Во-первых, были сельхозработы. 1 сентября приходил на собрание, а потом ездили на картошки-капусты. На первом курсе нас вывезли на уборочную надолго до белых мух, а дальше возили каждый день. Было после уборочной сплочение коллектива, мы перезнакомились, потом все перемешались. Никакого негатива к этим делам у меня не было» [ФД, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021].

Вместе с тем, поведенческие стратегии и практики беби-бумеров в студенческий период можно оценивать с позиции, предложенной социологом А. Юрчаком, трактующим данное состояние социального согласия как «внеаходимость», которая реализуется в дистанцировании субъекта и целых социальных сред как от политического дискурса государства, так и от политической активности оппозиции [18, с. 26].

Дистанцирование в бытовой сфере предметно проявилось у поколения беби-бумеров в период социального взросления и инкорпорации в научно-образовательное сообщество и выразилось в способности абстрагироваться от материальных трудностей, а также самостоятельно выбирать и расставлять приоритеты в пользу конструирования профессиональной карьеры. Интервьюируемые, оценивая опыт включения в профессиональную корпорацию, подчёркивают самостоятельность выбора и, в основном, согласованно свидетельствуют: «Выбор был совершенно бездарный. Папа умер, когда я учился в 8 классе

(1968 год), поэтому подсказать мне уже не мог, но всегда говорил, что выбирать нужно серьезную профессию. Интересовали история и литература. На филфак поступали одни девчонки, по истории для меня всегда были проблемой даты (не мог и не могу запомнить). Я выбрал ближайший к дому вуз — Транспортный, поступал на факультет с самым большим конкурсом [ФД, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]; «Я закончил техникум с красным дипломом и сдал один экзамен на «отлично», приехав в Томск во время короткого армейского отпуска...» [МА, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 26.06.2021]; «Сразу был настроен на службу в армии. Захотел сам. Книги военные повлияли. Хотел в пограничное училище после пойти. Служил три года — два в Москве. В музей — Третьяковку и Исторический ходил постоянно. Командир роты, участник войны отсоветовал ему идти в пограничное училище» [КБ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «Поступила в университет не сразу. Вместо поступления были «дружески-любовные» приключения, что полностью переключило сознание, не могла сосредоточиться... Начальник предложил поступать в Ленинград на перспективную специальность с ЭВМ, давали целевое направление, даже сдав на «3», можно было поступить. Но я не отказалась от мечты. Поступила в двадцать лет. Закончила в двадцать пять» [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021].

Навыки существования в обстоятельствах секвестированного комфорта послевоенного времени позволяли беби-бумерам рассматривать житейские трудности как объективный фон, не могущий быть серьёзным препятствием в профессиональной реализации. Неприязнательность быта, по свидетельствам интервьюируемых, сопровождала их на протяжении всего цикла включения в научно-образовательное сообщество: «...собирались на квартирах или за ТЭЦ на месте слияния Оми и Иртыша (можно было выпить, закусить, поговорить). Библиотека была самым «тусовочным» местом... Жили хорошо и дружно, много разговаривали» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021]; «Парни серьезно работали в стройотряде. Мы строили элеватор. Девушки у нас по-черному ездили проводницами на Ташкент, все лето... Единственное, что сдерживало — это недостаток средств. Финансово и семья, и я жили не шибко... Но внутренний голос мне громко говорил, что надо решать основную задачу, чем я и занимался» [ФД, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]; «Материально жили средне. Не всегда хватало денег. Отпуск проводили в Красноярске в щитовых домиках» [КА, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «Питание в семье было обычное, советское. Без особых разносолов и вкусностей. Суп, картошка, рыба. Иногда котлета» [СО, муж., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «В бытовом отношении чувствовал себя комфортно, поскольку там, где я вырос, все жили очень скромно. Ничего особенного в очередях и дефиците товаров не видел. Мы не голодали» [ЛВ, муж., 1949 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 19.05.2021]; «Поступила в университет. Общежитие не дали, так как в семье был доход, который не давал основания для получения места. Сначала жила у сестры на 1 курсе. Потом — комната в квартире на 2-х в доме у двух татарок. Топили печь. Опыт «бездомья» [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021].

Состояние «внеаходимости» как условие формирования социокультурной и политической идентичности гораздо сложнее проявлялось во внебытовых, неофициальных практиках повседневности, сопровождавших включённость в образовательный процесс. Эта сложность определяется целым рядом обстоятельств.

Безусловно, интервьюируемые принадлежат к одному поколению, но находятся в разных возрастных «горизонтах». Так, представители старшего сегмента беби-бумеров (1946–1949 г.р.— 5 респондентов) к моменту вступления в студенческий период приобрели богатый жизненный опыт и навыки самостоятельной жизни (армия, производство), что во многом было обусловлено объективными трудностями послевоенного времени

и общегосударственной установкой на их преодоление: «Мысли о поступлении в институт во многом стали следствием опыта самостоятельной жизни. Я понял, что мне становится неинтересно в рабочей среде. Возникло желание двигаться дальше, проявлялась склонность к переменам и способность к ним. Понял, что единственный факультет — исторический... «Между поступлениями в институт была армия, которая научила адаптироваться к сложным обстоятельствам. Искренне стремился защитить родину, выходя из строя дважды: в 1968 (Прага) и 1969 (Даманский). В армии вступил в КПСС. Членство в партии давало серьёзные преференции» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021]; «Поступал в институт в военной форме. Все на пятерки, кроме английского» [КБ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «Год отработал в школе-интернате в Русской поляне... Учился самостоятельно, получал опыт педагогической деятельности. Этот период окончательно утвердил выбор педагогической профессии» [МИ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]; «Впервые задумался о поступлении в институт после техникума, который закончил с красным дипломом в 1964 г... Выбрал ТГУ, во время службы в армии, поскольку Красноярск и Новосибирск проигрывали в конкуренции» [МА, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 26.06.2021]. Таким образом, фактор быстрого социального взросления для старших беби-бумеров оказался определяющим в выборе стратегий и практик поведения в системе координат студенческого и преподавательского сообщества, что выразилось в формировании ясных, практикоориентированных представлений о целях образования и коммуникативных предпочтениях группы: «Принял важное решение: никогда и нигде не учиться заочно (обязательная работа, как средство заработка: сторож, вахтёр, дворник и т.д.). 28 руб. стипендия (повышенная — 50 руб.)... Собирался на заочное, но Оруева Н.Ф. отговорила. Сам факт очень важен: студент что-то обсуждает с преподавателем на личном уровне. Отношения с преподавателями были очень демократичные...» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021]; «В археологичке вошёл в компанию (Фомин, Худяков, Рыжих). Не студенческая компания. Был комсоргом и редактором стенгазеты» [ЛВ, муж., 1949 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 19.05.2021]; «В студенческие годы читал только то, что задавалось. Читал ночью. На остальное времени не хватало. Много общественной работы: был старостой группы, заместителем председателя профкома, играл за сборную института по волейболу, был депутатом Городского совета. Так что всегда был каким-то начальником. Вроде бы и не стремился, но всегда выдвигали» [КА, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021].

Примечательно, что модель неформальной коммуникации преподавателей со студентами, имевшими за спиной некоторый жизненный опыт, по всей видимости, восходит к послевоенному времени, когда в вузы возвращались или поступали фронтовики, пользовавшиеся безграничным доверием у педагогов, особенно участников Великой Отечественной войны. Ко второй половине 1960-х — началу 1970-х гг. времена и состав студенчества изменились, но традиция осталась, что особенно отчётливо осознавали старшие представители поколения беби-бумеров. В своих воспоминаниях они акцентируют внимание на данном феномене: «Доверительные отношения с преподавателями складывались на равных. Вероятнее всего, причина этого в том, что после войны контингент студентов — это уже взрослые люди» [МИ, муж., 1947 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021]; «Политические, вполне диссидентские разговоры велись в коридорах (говорили о завещании Ленина). Нас очень интересовали репрессии, и разговоры с преподавателями помогали в целом понять эту ситуацию. Один из них — И.Н. Новиков в очень узком кругу говорил о влиянии репрессий на военный период и т.д. Читали самиздат. Прочитал Солженицына («В круге первом»), Шаламова. К этой информации как новой, так и незнакомой — нас тянуло. Курили в коридоре, предлагали сигарету Новикову и получали сведения» [ЧК, муж., 1946 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 9.05.2021].

Было бы необъективным и несоответствующим действительности заявление о том, что личностное формирование и движение к профессиональному выбору «младших» беби-бумеров (1952–1954 г.р.— 6 респондентов) происходило в тепличных условиях, а детский и юношеский периоды являлись абсолютно беспроблемными. Однако можно утверждать, что складыванию социокультурной и политической идентичности группы сопутствовала иная общественно-политическая и культурная атмосфера СССР, предопределившая такой дискурс их воспоминаний, в котором нет эпизодов родительской рефлексии эпохи массовых политических репрессий (1937–1953 гг.), практически не встречаются риторические обороты: «хлопнула дверь машины — все настораживались», «о политике дома не говорили» и т.д. Если родившиеся в 1946–1949 гг. согласованно упоминают о катастрофической реакции своих родителей в связи со смертью Сталина, в воспоминаниях младших беби-бумеров данный мотив отсутствует. Напротив, в сознание поколенческого сообщества постепенно проникают мысли о несовершенстве и очевидных изъянах политической системы: «К окончанию школы почувствовала сомнение. Поведение комсомольских лидеров стало по двойным стандартам. Был разрыв между словом и делом» [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021]; «Мои родители не сталисты, а я воинствующая антисталинистка. Прочитала Ю. Германа «Дело, которому ты служишь», героиня прошла лагеря, но говорила: «Не троньте». Для меня это было абсолютно не понятно: «Как это так?». Через книги началось отношение к сталинской эпохе... Было долгое оттепельное настроение.» [КН, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021].

Взросление младшего сегмента поколения беби-бумеров происходило в обстоятельствах «оттепели» 1956–1964 гг., не изменившей государственное устройство и социально-политический уклад СССР, но избавившей общество, и в первую очередь молодое поколение, от чувства постоянного и гнетущего страха за жизнь свою и близких, подарив ощущение личной свободы и право выбора. В студенческой фазе биографии это мироощущение иногда приобретало крайние формы, не ассоциировалось с опасностью репрессий, превращалось в увлекательную игру: «На отделении научного коммунизма было более строго, философии меньше. А остальные — вольные философы. В группу онтологии и гносеологии отбирали специально лучших. Многих не брали. Я попала туда. Все знали, что они (все) на учете в КГБ. Говорили, что в каждой группе есть «стукач». Собирались по квартирам свердловчан. И найти «стукача» было постоянным поводом для шуток» [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021].

Анализируя стратегии и практики социокультурного поведения описываемой части поколенческого сообщества, стоит обратить внимание на измененный, в сравнении с более возрастными студентами, формат производственной и внеучебной коммуникации. В ходе интервью не были выявлены сюжеты неформального общения и коллаборации студентов и преподавателей. Отзывы о педагогах являются по большей части уважительными, но при этом возникает понимание отчётливой дистанции между субъектами образования, которая реализовывалась в стремлении студентов к внутрикорпоративной солидарности с целью демонстрации собственной свободы и отрицанием патерналистской опеки: «Я был советским человеком, но я не любил догм. И преподавателей любил, которые нас учили не догматически: Фомин Борис Константинович, Новиков Иван Никифорович, Худяков Виктор Николаевич» [СО, муж., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 5.05.2021]; «Жила в общежитии, комната на пять человек. Атмосфера свободы на философском факультете — «дух вольности». Была стенная газета, «Логос». Была сатира, критика, злободневные заметки. Ничего традиционно комсомольского и партийного» [КЛ, жен., 1952 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 22.05.2021]; «Группа была хорошая. Там я понял, что философия мне интересна. Участвовал в студенческом конкурсе научных работ, занял какое-то место. Студенческой науки там не было. Однажды позвали «заняться наукой», кто пришел, поса-

дили мотатьтрансформаторы. Больше они ни чем не занимались» [ФД, муж., 1953 г.р. ОмГПУ. Дата интервью: 12.05.2021].

ВЫВОДЫ. Таким образом, формирование идентичности беби-бумеров на этапе выбора профессии и учёбы в вузах реализовывалось в специфических социокультурных и политических обстоятельствах ситуации «позднего» социализма второй половины XX века и, в отличие от аналогичных процессов у предшественников — GI и «молчаливого» поколения, переживших войны, социальные и гражданские катастрофы, государственный террор, атмосферным фоном взросления референтной группы являлась относительно спокойная «вегетарианская» обстановка политического и культурного «обновления» СССР. В ходе интенсивной межпоколенческой коммуникации складывание этоса беби-бумеров происходило с опорой на травматический опыт, стратегии и практики социального поведения старших поколений. Результатом этого взаимодействия стало достижение коммуникативного согласия поколения беби-бумеров в сфере референций (на уровне знания, норм, оценок и чувств), что проявилось в «эластичности» стандартов существования: бытовых и социальных, высокой мотивации достижения в рамках предложенных государством конвенций и адаптивного потенциала, направленного на обеспечение ограниченного, но приемлемого в заданных условиях жизненного комфорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ассман А. Забвение истории — одержимость историей. М.: Новое литературное обозрение, 2019. 552 с.
2. Бранский В.П., Пожарский С.Д. Закон самоорганизации социальных идеалов и глобализация культуры // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер.6. 2005. Вып.1. С. 13–20.
3. Булыгина Т.А. Общественные науки в СССР. 1945–1985 гг. М.: Московский автомобильно-дорожный институт: Институт гуманитарных исследований, 2000. 240 с.
4. Ватлин А.Ю. В поисках «истинного социализма»: историческое сознание поколения перестройки // Форум новейшей восточно-европейской истории и культуры. № 1. 2013. URL: <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/inhalttruss19.html> (дата обращения: 4.01. 2022).
5. Горин Д. Поколения модернизации: от обнаружения альтернатив к повторению пройденного // Неприкосновенный запас. № 6. 2010. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/pokoleniya-modernizacii-ot-obnaruzheniya-alternativ-k-povtoreniyu-projdenного.html> (дата обращения: 7.01.2022).
6. Григорьева Н.А., Хорошенкова А.В. Развитие социально-гуманитарного и педагогического образования в высшей школе России во второй половине XX века. Учебное пособие. М.: Мир науки, 2020. Сетевое издание. URL: <https://izd-mn.com/PDF/03MNNPU20.pdf> (дата обращения: 2.01.2022).
7. Громадкова Т. Кто идёт на смену трудоголикам. URL: <http://inosmi.ru/world/20130611/209925956.html> (дата обращения: 28.12.2021)
8. Гудков Л. Негативная идентичность. Статьи 1997–2002 годов. М.: Новое литературное обозрение; «ВЦИОМ-А», 2004. 816 с.
9. Донцов Д.А., Донцова М.В. Психологические особенности юношеского (студенческого) возраста // Теория образования и обучения. URL: <https://iedtech.ru/files/journal/2013/2/dontsovs.pdf> (дата обращения: 11.01.2022).
10. Клейн Л.С. Муки науки. Учёный и власть, учёный и деньги, учёный и мораль. М.: Новое литературное обозрение, 2017. 568 с.
11. Малинова О.Ю. Конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. 2010. Т. 6. № 1. С. 5–28.
12. Орлов Б.С. Россия в поисках новой идентичности (90-е годы XX столетия): Научно-аналитический обзор. М.: ИНИОН, 1997. 54 с.

13. Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 8 октября 1959 г. № 1162 «О некоторых изменениях в преподавании курса истории в школах» //КонсультантПлюс.URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38088#011225263322227574> (дата обращения 15.01.2022).
14. Рейли Д. Советские бэйби-бумеры. Послевоенное поколение рассказывает о себе и о своей стране. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 539 с.
15. Семенова В.В. Социальная динамика поколений: проблема и реальность. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. 271 с.
16. Хальбвакс М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2-3(40-41). URL: <http://magazines.russ.ru/nz/2005/2/ha2.html> (дата обращения: 03.04.2020).
17. Чуркин М.К., Навойчик Е.Ю., Чуркина Н.И., Черненко Е.В. Социокультурная и профессиональная идентичность поколения советских «беби-бумеров» (по материалам «глубинного» интервью акторов научно-образовательного сообщества ОмГПУ) // Вестник НГУ. Серия: История, филология. 2022. Т. 21. № 1: История. С. 98-112.
18. Юрчак А. Это было навсегда, пока не кончилось. Последнее советское поколение. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 661 с.

REFERENCES

1. Assman A. *Zabvenie istorii — oderzhimost' istoriej* [Forgetting history — obsession with history]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2019. 552 s. (In Russian).
2. Branskij V.P., Pozharskij S.D. *Zakon samoorganizacii social'nyh idealov i globalizaciya kul'tury* [The law of self-organization of social ideals and the globalization of culture] // Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. 2005. T. 4, № 1, S. 13-20. (In Russian).
3. Bulygina T.A. *Obshchestvennye nauki v SSSR. 1945-1985 gg.* [Social sciences in the USSR. 1945-1985] M.: Moskovskij avtomobil'no-dorozhnyj institut: Institut gumanitarnykh issledovanij, 2000. 240 s. (In Russian).
4. Vatlin A.Y. *V poiskah «istinnogo socializma»: istoricheskoe soznanie pokoleniya perestrojki* [In search of "true socialism": The historical consciousness of the Perestroika Generation] // Forum novejshej vostochno-evropejskoj istorii i kul'tury. 2013. № 1. URL: <http://www1.kueichstaett.de/ZIMOS/forum/in-haltruss19.html> (data obrashcheniya: 4.01. 2022). (In Russian).
5. Gorin D. *Pokoleniya modernizacii: ot obnaruzheniya al'ternativ k povtoreniyu projdenного* [Generations of modernization: from discovering alternatives to repeating the past] // Neprikosnovennyj zapas. 2010. № 6. URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2010/6/pokoleniya-modernizacii-ot-obnaruzheniya-al'ternativ-k-povtoreniyu-projdenного.html> (data obrashcheniya: 7.01.2022). (In Russian).
6. Grigor'eva N.A., Horoshenkova A.V. (2020) *Razvitie social'no-gumanitarnogo i pedagogicheskogo obrazovaniya v vysshej shkole Rossii vo vtoroj polovine XIX veka* [The development of social, humanitarian and pedagogical education in Russian higher education in the second half of the XX century]. Uchebnoe posobie. M.: Mir nauki, 2020. Setevoe izdanie. URL: <https://izd-mn.com/PDF/03MNNPU20.pdf> (data obrashcheniya: 2.01.2022). (In Russian).
7. Gromadkova T. *Kto idyot na smenu trudogolikam* [Who is replacing the workaholics]. URL: <http://inosmi.ru/world/20130611/209925956.html> (data obrashcheniya: 28.12.2021). (In Russian).
8. Gudkov L. *Negativnaya identichnost'. Stat'i 1997-2002 godov* [Negative identity. Articles 1997-2002] M.: Novoe literaturnoe obozrenie; «VCIOM-A», 2004. 816 s. (In Russian).
9. Doncov D.A., Doncova M.V. *Psihologicheskie osobennosti yunosheskogo (studencheskogo) vozrasta* [Psychological features of youthful (student) age] // Teoriya obrazovaniya i obucheniya. URL: <https://iedtech.ru/files/journal/2013/2/dontsovs.pdf> (data obrashcheniya: 11.01.2022). (In Russian).
10. Klejn L.S. *Muki nauki. Uchyonyj i vlast', uchyonyj i den'gi, uchyonyj i moral'* [The agony of science. Scientist and power, scientist and money, scientist and morality]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. 568 s. (In Russian).

11. Malinova O.Y. *Konstruirovaniye makropoliticheskoy identichnosti v postsovetsoj Rossii* [The Construction of Macropolitical Identity in Post-Soviet Russia] // Politicheskaya ekspertiza: POLITEKS. 2010. T. 6, № 1. S. 5–28. (In Russian).
12. Orlov B.S. *Rossiya v poiskah novoj identichnosti (90-e gody XX stoletiya): Nauchno-analiticheskij obzor* [Russia in search of a new identity (90s of the XX century): Scientific and analytical review]. M.: INION, 1997. 54 s. (In Russian).
13. *Postanovlenie CK KPSS i Soveta Ministrov SSSR ot 8 oktyabrya 1959 g. № 1162 «O nekotoryh izmeneniyah v prepodavanii kursa istorii v shkolah»* [Decree of the Central Committee of the CPSU and the Council of Ministers of the USSR of October 8, 1959 No. 1162 «On some changes in the teaching of history in schools"]. Konsul'tantPlyus.URL: <http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=38088#011225263322227574> (data obrashcheniya 15.01.2022). (In Russian).
14. Rejli D. *Sovetskie bejbi-bumery. Poslevoennoe pokolenie rasskazyvaet o sebe i o svoej strane* [Soviet baby boomers. The post-war generation talks about themselves and their country]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2015. 539 s. (In Russian).
15. Semenova V.V. *Social'naya dinamika pokolenij: problema i real'nost'* [Social dynamics of generations: problem and reality]. M.: Rossijskaya politicheskaya enciklopediya (ROSSPEN), 2009. 271 s. (In Russian).
16. Halbwachs M. *Kollektivnaya i istoricheskaya pamyat'* [Collective and Historical Memory], Neprikosnovennyi zapas. 2005. № 2–3 (40–41). (In Russian).
17. Churkin M.K., Navojchik E.Y., Churkina N.I., Chernenko E.V. *Sociokul'turnaya i professional'naya identichnost' pokoleniya sovetskih «bebi-bumerov» (po materialam «glubinnogo» interv'yu aktorov nauchno-obrazovatel'nogo soobshchestva OmGPU)* [Socio-cultural and professional identity of the generation of Soviet "baby boomers" (based on the materials of the «deep» interview of the actors of the scientific and educational community of the OmSPU)] // Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. 2022.T. 21, № 1, S. 98–112. (In Russian).
18. Yurchak A. *Eto bylo navsegda, poka ne konchilos'*. *Poslednee sovetskoe pokolenie* [It was forever until it ended. The last soviet generation]. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. 661 s. (In Russian).